

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИЭА РАН**

**11-13
НОЯБРЯ**

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СЕВЕРОВЕДЕНИЕ
В ДИАЛОГАХ СО ВРЕМЕНЕМ:
К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА СЕВЕРА ИЭА РАН И
120-ЛЕТИЮ БОРИСА ОСИПОВИЧА ДОЛГИХ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 2024

**ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ
«НАУЧНЫЙ МИР БОРИСА ОСИПОВИЧА ДОЛГИХ
И МОСКОВСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ВРЕМЯ И СУДЬБЫ»**

Модераторы:

Пивнева Елена Анатольевна, Сирина Анна Анатольевна
(Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)

ПИВНЕВА Елена Анатольевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ОТДЕЛ СЕВЕРА И СИБИРИ ИЭА РАН: ЭТАПЫ И ИТОГИ 70-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ

В докладе освещается история и деятельность отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. Он был создан в московском Институте этнографии АН СССР по постановлению Академии наук СССР от 10 декабря 1954 г. и долгое время существовал как сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера (с 1986 г. – отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири, в настоящее время – отдел Севера и Сибири). Основное внимание уделено судьбам и научному наследию советских исследователей, а также современным векторам и сюжетам в московском североведении.

Название сектора существенным образом определяло ориентацию исследований на современные проблемы, связанные с управленческими потребностями советского государства. Параллельно с прикладными задачами значительное место в работе этнографов занимал сбор данных по т.н. традиционной культуре народов Севера. Новый (по сравнению с предыдущими изысканиями) подход советских североведов состоял в том, что эти данные рассматривались не только как сведения для характеристики специфики культуры того или иного народа, но и ценный источник для освещения этногенетических и культурологических проблем. В своей работе они большое внимание уделяли систематизации этих материалов, что нашло отражение во многих статьях и коллективных трудах.

Основы многих научных традиций московских североведов были заложены первым руководителем сектора Севера Борисом Осиповичем Долгих (1904–1971). Как вспоминала З.П. Соколова, «он научил нас, молодых сотрудников работать в двух направлениях – фундаментальной науки и прикладных исследований». Советский этап истории в сектора / отдела связан с именами таких известных специалистов, как В.А. Туголуков, А.В. Смоляк, Ю.Б. Симченко, В.И. Васильев, Т.А. Лукьянченко, М.Я. Жорницкая и др. Руководителями отдела были И.С. Гурвич (1965–1986) и З.П. Соколова (1987–1995). Богатое творческое наследие этих ученых представляет большой интерес для осмысления прошлого нашей науки.

Некоторые направления и принципы научной работы, у истоков которых стоял Борис Осипович, сохраняют свою актуальность в деятельности московских североведов и в наши дни. В то же время под влиянием общественно-политических трансформаций и новых научных веяний в работе отдела произошли существенные изменения, которые еще нуждаются в осмыслении. Какие темы и почему были важны для наших предшественников? Какие из них наиболее перспективны сегодня, а что требует иного подхода? Какие уроки мы можем извлечь из опыта работы Северной экспедиции? Эти и другие предложенные к обсуждению вопросы помогут оценить вклад в науку отечественных североведов недавнего прошлого и задуматься о создании на фундаменте их творческого наследия новых идей.

СИРИНА Анна Анатольевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого / Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург

МОСКОВСКОЕ СИБИРЕВЕДЕНИЕ В 1920–1950-Е ГОДЫ

Мы обращаемся к традициям московской антрополого-этнографической школы 1920 – начала 1950-х годов, благодаря которым была подготовлена почва для создания Института этнографии АН СССР в Москве и группы, а затем и сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера под руководством Б.О. Долгих. Эти традиции складывались на базе таких институций, как ОЛЕАЭ при Московском университете, Институт антропологии, этнологический факультет Московского университета, Центральный музей народоведения (ЦМН) и др. Комплексные коллективные антрополого-этнографические экспедиции ЦМН были призваны решить фундаментальные и прикладные вопросы этнографии, в т.ч. в сфере сибирского этнографического музееведения и выставочной работы. Будет рассмотрена роль Тунгусской антрополого-этнографической экспедиции (1927–1928) ЦМН под руководством Б.А. Куфтина в сборе уникальных полевых материалов среди тунгусоязычного населения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России и формировании специалистов-сибиреведов. Б.А. Васильев, Г.Ф. Дебец, Б.О. Долгих, А.М. Золотарев, В.И. Левин, М.Г. Левин, С.А. Токарев в 1920–1950-е годы проводили исследования на Севере, в Сибири и Дальнем Востоке России, в том числе прикладного характера. Московское сибиреведение 1920-х – нач. 1950-х годов характеризуют: универсальная подготовка ученых, проведение комплексных экспедиций, интенсивный сбор материалов, постановка и разработка крупных теоретических направлений исследований, фокусирующихся на проблемах этнической истории, социальной организации, исследованиях материальной культуры и др. Обратившись к рассмотрению динамики развития данных направлений в отечественной науке, мы ставим вопрос об особенностях становления московской школы/школ в североведении, о преемственности научного знания, а также об особенностях используемой ее/их представителями методологии.

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН

ОТДЕЛ СЕВЕРА И СИБИРИ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН И ЕГО ВКЛАД В СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ТОМСКА И ОМСКА

Институт этнографии (ИЭ) АН СССР, с 1990-х гг. Институт этнологии и антропологии (ИЭА) РАН постоянно был куратором создания и развития в городах Сибири этнографических групп и центров, в том числе в Томске и Омске. Ведущая роль в этом принадлежит отделу Севера и Сибири этого института. Сотрудничество отдела с сибирскими учреждениями проходило в нескольких направлениях. Главное – это подготовка кадров этнографов – состоялись защиты кандидатских диссертаций томичей Н.В. Лукиной (н.р. З.П. Соколова), Э.Л. Львовой (н.р. С.И. Вайнштейн), С.М. Малиновской (н.р. В.И. Васильев), Н.А. Томилов (н.р. И.С. Гурвич), М.С. Усмановой (н.р. С.И. Вайнштейн, омичей Л.М. Кадыровой (н.р. З.П. Соколова, Н.А. Томилов), С.Н. Корусенко (н.р. В.И. Васильев). М.Я. Жорница помогла в подготовке по этноархеологии омичке Н.А. Левочкиной. Так-

же с поддержкой со стороны сотрудников отдела проходили защиты ряда докторских диссертаций – томичей В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, омичей И.В. Лоткина, Н.А. Томилова.

В повышении квалификации этнографов – сибиреведов и развитии их научных исследований заметную роль играют научные форумы. Омскими учреждениями совместно с ИЭ и с ИЭА в 1970-х гг. и начале XXI в. было проведено более 20 таких мероприятий с активным участием в них сотрудников отдела. Среди них наиболее крупными были конференции по этнической истории тюркских народов (1979, 1984, 1992, 1998 гг.) и самодийцев (1983, 1992 гг.), всесоюзные конференции «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (1987 г.), «Этническая история и культура народов Советской страны» (1991), всероссийская конференции «Региональные проблемы межнациональных отношений в России» (1993 г.), V Конгресс этнографов и антропологов России» (2003 г.).

Еще одно направление сотрудничества - это исследования по общим темам и проектам, прежде всего в изучении этнической истории, в том числе современных этнических процессов у народов Сибири. Омские и томские этнографы провели такого рода исследования десятков народов и национальных групп Западной Сибири и Северного Казахстана. Результаты исследований, в том числе и по программе отдела ИЭА РАН «Селькупы» (руководитель В.И. Васильев) публиковались в сборниках трудов московских и омских ученых, монографиях омичей (ответственными редакторами ряда изданий омских этнографов были В.И. Васильев, И.С. Гурвич, Ю.Б. Симченко), а также в томе «Тюркские народы Сибири» издаваемой ИЭА РАН серии «Народы и культуры». В целом ИЭА РАН внес существенный вклад в создании и развитие омского этнографического центра в российской науке.

ОКТАБРЬСКАЯ Ирина Вячеславовна

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

БОРИС ОСИПОВИЧ ДОЛГИХ И ЕГО МЕСТО В РОССИЙСКОМ СИБИРЕВЕДЕНИИ

Борис Осипович Долгих (1904–1971) признан крупнейшим сибиреведом XX в. Начало его творческой деятельности совпадало со становлением российской советской этнографической науки, в которой, по велению времени, соединялись фундаментальный и практико-ориентированный компоненты. Точкой отсчета в сибиреведческих исследованиях Б.О. Долгих стало его участие в Приполярной переписи 1926–1927 гг. Эта работа, ориентированная на оценку актуального состояния народов Севера, позволила сформировать представления об их сложной структуре. Последовавшие затем годы ссылки и поселения в Восточной Сибири расширили знания об истории и культурах региона. В 1937–1944 гг., когда Б.О. Долгих работал в Красноярском краеведческом музее, начались его системные изыскания по истории народов Сибири. Он воплотил в реальность «Проект составления племенной карты России» выдающегося статистика и этнографа С.К. Патканова, опубликованный в 1915 г. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Родовой и племенной состав народностей Севера и Средней Сибири». Эта работа вывела на новый уровень историческую этнографию России, обозначив в качестве приоритетного направления изучение этнической истории народов Сибири. В 1958 г. Б.О. Долгих защитил докторскую диссертацию «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». В том же году возглавил в Институте этнографии АН СССР сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера.

Масштабное освоение и индустриальное «переформатирование» Сибири 1950–1960-х гг. сделало особенно значимой проблему оценки современного состояния народонаселения региона в его отношении к прошлому. Тема этнической истории и этногенеза стала одной из основных в

деятельности сектора, который активно сотрудничал с региональными научными центрами в интеллектуальном освоении Сибири. Труды Б.О. Долгих были обозначены кетская, тунгусская, самодийская и другие этногенетические проблемы, получившие дальнейшее развитие в работах его коллег и последователей. В особое направление выделились родоведческие исследования. Продолжением программы, намеченной Б.О. Долгих, стали системные изыскания, реализованные в 1970–1980-е гг. тогда уже сектором Крайнего Севера и Сибири Института этнографии. Концепция многофакторного, растянувшегося во времени этногенеза, на разных этапах которого происходила актуализация различных уровней и форм самосознания, подвела итог исследованиям, основы которых закладывались Б.О. Долгих еще в 1920-е гг. Монография ученого «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» 1960 г. стала и до сих пор остается отправной точкой в историко-этнографическом изучении Сибири последующими поколениями этнографов.

БАТЬЯНОВА Елена Петровна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

СОТРУДНИКИ СЕКТОРА / ОТДЕЛА СЕВЕРА 1950 X–НАЧАЛА1990-X ГОДОВ: ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ

В докладе представлены биографические и творческие характеристики сотрудников Сектора (с 1986 года – Отдела) Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР. Рассматривается период истории Сектора со времени его основания в 1954 году до начала 1990-х годов.

Важную роль в создании Сектора и в формировании его коллектива сыграли такие выдающиеся ученые, как Борис Осипович Долгих, Максим Григорьевич Левин, Георгий Францевич Дебец и др. Инициаторы создания Сектора считали задачей его сотрудников сочетать прикладную направленность исследований, подчеркнутую в официальном названии этого подразделения: «Сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера» – с углубленным изучением уникальных этнических культур Севера.

Первыми сотрудниками Сектора, помимо его заведующего, Б.О. Долгих, стали молодые ученые Виктор Васильевич Нарышкин и Владиллен Александрович Туголуков, уже зарекомендовавшие себя как квалифицированные полевые этнографы, как исследователи архивных документов, музейных экспонатов, археологических памятников. В.В. Нарышкин – выпускник кафедры этнографии МГУ, с 1952 г. работавший директором Чукотского окружного музея. В.А. Туголуков – выпускник Московского историко-архивного института, с 1951 г. – начальник Госархива Нижнеамурской области, с 1953 года – аспирант Института этнографии.

В дальнейшем Сектор пополнился новыми молодыми сотрудниками. Ими стали Илья Самуилович Гурвич, Анна Васильевна Смоляк, Зоя Петровна Соколова, Юрий Борисович Стракач, Севьян Израилевич Вайнштейн, Татьяна Васильевна Лукьянченко, Мария Яковлевна Жорницкая, Владимир Иванович Васильев, Юрий Борисович Симченко, Владимир Владимирович Лебедев и др.

Обращает на себя внимание не только обширная исследовательская работа этих ученых в составе Сектора, но и их просветительская деятельность, включавшая: участие в организации музеев и выставок на Севере, подготовку учебников для коренных народов, написание научно-популярных книг и статей, выступления с докладами и лекциями и т.д. Ученые работали в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами.

Многие сотрудники Сектора Севера Института этнографии вошли в историю российского североведения как профессионалы высшего класса, как авторы классических трудов по истории и этнографии коренных народов региона.

ВОВИНА Варвара Гелиевна

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Б.О. ДОЛГИХ И Ю.Б. СИМЧЕНКО ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯКУТСКИХ АКТОВ XVII В.

В составе Архива СПБНИИ РАН хранится богатое собрание актов из состава Якутской приказной избы (ф. 160), содержащее документы, начиная с 1640-х гг. Эта документация в свое время была вывезена в центр страны и оказалась в Петербурге и в Москве: в РГАДА хранятся главным образом книги (книги ясачного сбора, таможенные и др.), в Архиве СПБНИИ РАН – актовый материал в виде столбцов. Отдельные документы были изданы еще в XIX в., известна публикация 1936 г. («Колониальная политика Московского государства в Якутии»). Однако огромная часть якутских актов остается неизданными. В последние годы ими в плане источниковедения занимаются А. А. Калашникова и М.Е. Проскурякова. Важно отметить также работы М.А. Савинова.

Историки недостаточно использовали работы этнографов. Исключение составляют статьи М.А. Савинова последних лет. Результаты этнографических исследований позволяют иногда понять содержание якутских актов и даже правильно прочесть их скорописный текст, в частности, названия местных сибирских народов, их различных социальных групп, т. н. «родов». Большую помощь здесь оказывают классические работы по родовому составу и истории расселения народов Сибири Б.О. Долгих (итог которым был подведен в монографии 1960 г. «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»). Важно отметить также статью Б.О. Долгих о тамгах нганасанов и энцев (1957).

М.А. Савинов в последнее время обратился к исследованию личных знаков на оборотах некоторых якутских актов, содержащих записи переводов расспросных речей инородцев, используя уникальный материал, который был собран Ю.Б. Симченко (*Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965*). Но Ю.Б. Симченко работал с данными ясачных книг, между тем в актовом материале есть тамги, которые с одной стороны могут быть сопоставлены со знаками, собранными им, с другой стороны — отличаются от них.

Наше обращение к якутским актам, содержащим как тамги, так и сведения о родовом составе северных народов, подтверждает, что без использования работ Б.О. Долгих и Ю.Б. Симченко исследование некоторых из них было бы затруднительным.

МОМЗИКОВА Мария Петровна

Тартуский университет

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОЙ НАЙЛУЧШИЙ ДРУГ БОРИС ОСИПОВИЧ»: СОВЕТСКИЙ ЭТНОГРАФ БОРИС ДОЛГИХ И ЕГО АССИСТЕНТ В ПОЛЕ – НГАНАСАН НУМАКУ ЧУНАНЧАР

Советский этнограф Борис Долгих известен своим масштабным трудом по реконструкции истории коренных народов Сибири в XVII веке. Работая с бюрократическими документами и реконструируя по ним миграции коренных народов Сибири, он также обращался к этнографическим и фольклорным материалам для реконструкции этнической истории, которые он собирал во время полевых экспедиций, в частности, на полуострове Таймыр в беседах и встречах со своими собеседниками-«информантами». В то же время, имена и личности собеседников и «друзей» из поля оставались менее заметны в таких масштабных академических трудах, которые выводили на пер-

вый план более абстрактное обобщенное этнографическое знание об обычаях, культуре и истории коренных народов Севера.

Материалами для этого доклада служат этнографические дневники Бориса Долгих и его напарника по экспедиции Льва Файнберга, письмо этнографу от бывшего председателя колхоза и ассистента в поле, нганасана Нумаку Чунанчара, а также отрывки из публикации Юрия Симченко. Я бы хотела сфокусироваться на отношениях этнографа и его «информанта»-ассистента в экспедиционной работе, которые во время длительного сотрудничества становились более дружескими, продолжались после поля в переписке, а также сопровождались обменом знанием, вещами, деньгами и взаимопомощью. Эти отношения служили социальной основой этнографической работы, но оставались невидимыми в публикациях в силу определенных стандартов академического письма, хотя и могли упоминаться в научно-популярных этнографических очерках. Рассмотрение социальных отношений с «информантами» в полевой работе советского этнографа, во-первых, позволяет вывести на первый план и сделать более заметной работу людей из поля, чье знание затем появлялось на страницах этнографических трудов. Во-вторых, это выявляет эмоциональное измерение этнографической работы, показывая и ее противоречия, связанные, с одной стороны, с экстрактивистскими практиками по отношению к коренным народам и их знанию, с другой стороны, со взаимной поддержкой людей из поля. В-третьих, такой фокус исследования позволяет увидеть, насколько советское государство было частью подобных отношений.

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ОТ САКРАЛЬНОГО К МУЗЕЙНОМУ: НГАНАСАНСКИЕ ИДОЛЫ-КОЙКА В РАБОТАХ Б.О. ДОЛГИХ И А.А. ПОПОВА В ОПТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ РЕЛИГИИ И НАСЛЕДИЯ

В докладе рассматриваются методологические и научно-исторические вопросы изучения музейных этнографических культовых предметов через призму исследований наследия и материальной религии. В основе доклада лежат несколько кейсов, представляющих работу советских этнографов Б.О. Долгих и А.А. Попова с нганасанскими культовыми предметами – идолами-койка. Анализируются некоторые практики формирования музейных собраний в советское время и возможные современные подходы к их исследованию. Особое внимание уделяется концепции материальной религии как методологическому инструменту, позволяющему по-новому взглянуть на религиозные практики и их трансформации через призму изменения отношений к священным предметам в процессе советской модернизации. Оптика материальной религии дополняется подходами критических исследований наследия. На опубликованных и архивных материалах полевых исследований Долгих и Попова, первых систематических исследователей нганасанской культуры, рассматривается история музеефикации койка – священных изображений духов-покровителей. Детально анализируются конкретные случаи сбора и описания этих культовых предметов. Доклад призван продемонстрировать потенциал совмещения методологических подходов исследований материальной религии и культурного наследия в кейсах, связанных с музейными коллекциями индигенных предметов.

ХРИСТОФОРОВА Ольга Борисовна

Российский государственный гуманитарный университет/ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

КТО ТАКИЕ НГАНАСАНСКИЕ СЮПСЯ? (ПО МАТЕРИАЛАМ Б.О. ДОЛГИХ И Ю.Б. СИМЧЕНКО)

В нганасанских легендах, записанных Б.О. Долгих в 1920–1930-е годы, встречаются загадочные персонажи. Борис Осипович именует их «чукчами» и считает реальными людьми, представителями автохтонного населения Таймыра. Таким образом, рассказы о «чукчах» включаются в жанр исторических преданий. Вместе с тем некоторые черты облика и поведения «чукчей» позволяют рассматривать их как отчасти мифологических персонажей. Некоторыми своими чертами (исчезновение после прихода на их земли предков современных народов; боязнь рыбы) они напоминают ненецких *сихиртя*; другими чертами (отсутствие отверстий на теле) – ненецких *мал тэнга*, а в целом встраиваются в ряд так называемых «древних насельников края», предания о которых широко распространены по северу Евразии. Не полностью мифологическая природа этих существ и их презентация в преданиях именно как людей, прежде обитавших на этой территории, позволяет легко выстраивать эвгемеристические теории на их счет. В то же время рассмотрение этих персонажей в рамках сравнительной мифологии дает основание рассматривать их не как мифологизированные реальные народы, но как один из видов «альтернативных человечеств», населяющих землю согласно мифологии нганасан и их соседей.

МОСКАЛЕНКО Нелли Павловна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

БОРИС ОСИПОВИЧ ДОЛГИХ: НАСТАВНИК, УЧИТЕЛЬ И ГРАЖДАНИН (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С.И. ВАЙНШТЕЙНА)

Доклад посвящен памяти выдающегося ученика о своем выдающемся учителе. В воспоминаниях Севьяна Израйлевича Вайнштейна личность Бориса Осиповича Долгих оценена чрезвычайно высоко. Он не только помог начинающему молодому человеку найти свой путь в науке, но и пережить самые драматические моменты его жизни. Впоследствии С.И. Вайнштейн писал: «Время — самый неутомимый судья. Эта истина особенно зрима в наши дни, когда рейтинг одних ученых, чрезмерно возвеличенных при жизни и удостоенных высших титулов, катастрофически падает, а других, не столь обласканных официальным признанием, неудержимо растет, заставляя все более ценить их вклад в развитие мысли, привлекая все больше внимание к их книгам, идеям, делам». Чем больше времени проходит после ухода Бориса Осиповича Долгих, тем все очевиднее его выдающаяся роль в истории сибиреведения XX столетия.

Доклад основан как на опубликованных научных статьях, так и на архивных документах и личных воспоминаниях С.И. Вайнштейна.

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва.

БОРИС ОСИПОВИЧ ДОЛГИХ КАК (НЕ)МОСКОВСКИЙ ЭТНОГРАФ

Борис Осипович Долгих, будучи первым руководителем сектора Севера московской части Института этнографии АН СССР (сегодня – отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН) и научным руководителем целого поколения исследователей, составившим его костяк на долгие годы (Туголуков, Васильев, Симченко, Вайнштейн), известен как, пожалуй, главный московский этнограф-северовед. Вместе с тем в довоенный период, для которого наиболее характерно представление об особой школе этнографии в Москве, связь Долгих с городом и его этнографическими учреждениями была весьма непрочной и нестабильной. При Московском университете (а также при Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока) она первоначально ограничивалась статусом вольнослушателя, а последующее студенчество в нем было трагически прервано репрессивной ссылкой за критику коллективизации. Первый и во многом определяющий полевой опыт Долгих получил в рамках Приполярной переписи, программа которой хоть и содержала в себе этнографические элементы, но имела отличные от экспедиций московских этнографов того же периода интеллектуальные истоки и прагматику, а именно связанные с органами статистики и государственной экономической мыслью. Тем более неστοличным представляется красноярский период ученого, в частности опыт землеустроительных экспедиций, о которых он сам впоследствии напишет, как об опередивших этнографическую теорию. В свете указанных разрывов характеристика Долгих в качестве московского этнографа предстает не столь очевидной. Доклад предлагает внимательнее приглядеться к связям этнографа-североведа с московской этнографической школой и попытаться проследить их не только на уровне личных контактов с бесспорными представителями и организациями московской этнографии довоенного периода, но и на уровне научных концепций и практик.

БАСОВ Александр Сергеевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ПОЛЕВЫЕ РЕАЛИИ ТАЙМЫРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ю.Б. СИМЧЕНКО

Выдающийся советский этнограф Ю.Б. Симченко совершил большое количество экспедиций в различные северные регионы. Собранные им полевые материалы могли бы послужить как историкам науки, так и этнографам, работающим в тех же регионах, с теми же сообществами. К сожалению, полевые дневники Ю.Б. Симченко почти не сохранились в архивах. Возможно, однако, что некоторые сведения, дополняющие то, что опубликовано в научных работах, можно обнаружить в работах «смежного» жанра: Юрий Борисович активно публиковал художественную прозу. Популярные работы Симченко написаны очень ярко, они дают увлекательное погружение в действительность, которую ему довелось наблюдать и переживать в ходе полевых исследований.

В рамках доклада представлен анализ части художественных текстов Ю.Б. Симченко в качестве этнографических и исторических источников. Таймырские повести и рассказы будут соотнесены с реконструированной по архивным источникам историей экспедиционной деятельности Ю.Б. Симченко; в рассказах будут также выделены типы сведений об особенностях полевой работы и о наблюдавшихся этнографом полевых реалиях.

**ВОПРОСЫ «АНТРОПОЛОГИИ ИСКУССТВА»
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА ФРОЛОВА**

Б.А. Фролов с начала 1960-х гг. глубоко увлекся искусством эпохи палеолита и стал по сути основоположником важнейшей для современного междисциплинарного научного направления «антропологии искусства» концепции о времени появления и смысле изобразительного искусства. Работая с 1980 г. в ИЭ АН СССР/ ИЭА РАН Борис Алексеевич привнес в московскую этнографическую школу североведения междисциплинарный подход исследования первобытной культуры, смело соединяя знания в области этнографии, археологии, социально-культурной антропологии, астрономии и др. Теоретические реконструкции начал искусства, по мнению Б.А. Фролова, неадекватны вне реалий Северной Азии с ее тихоокеанским побережьем.

«Мысль первобытного мастера», по точному определению Б.А. Фролова, явно соизмеряла ряд динамических величин, циклов времени, соотнося небесные и земные события, что в окружающей реальной среде помогало и выживать в ней, и затем выражать эмоциональную полноту существования. Так зарождается искусство антропа: в орнаментальной ритмике, семантике декора опосредованно проявляются связи человека и окружающего мира, художника и зрителя. Борис Алексеевич справедливо относит «орнамент» к идеопластической сфере искусства. Он указывает на исторически сложившуюся ситуацию, при которой эта сфера оставалась на втором плане в изучении первобытного искусства, долгий путь к его признанию шел через физиопластику. По образному мнению ученого, это происходило потому, что изображения живых мамонтов и прочих представителей четвертичной фауны на их останках наглядно доказывали, что человек был их современником, в то время, как куски бивней с едва различимыми насечками, лунками и комбинациями линий не впечатляли и забывались, терялись или выбрасывались. Идеопластическое искусство, и конкретно – орнаментальное, развивалось во всех культурных традициях мира. Мобильное искусство присутствовало широко (в отличие от монументального наскального) в ежедневном быту человека (в украшениях, одежде и т.п., заметим, как и устная фольклорная традиция предков) на тех, по характеристике Б.А. Фролова, далеких путях, коими осваивалась планета, включая просторы Северной Азии и Америки. Борис Алексеевич ставит вопрос, насущный и сегодня: не потому ли орнаментика (и в целом идеопластика) у аборигенов разных континентов имеет больше общего, чем физиопластика?

НАУЧНАЯ СЕССИЯ
«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СЕВЕРОВЕДЕНИЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ:
ШКОЛЫ, ЛИЧНОСТИ, МЕТОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Модераторы:

Мартынова Елена Петровна (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого), **Разумова Ирина Алексеевна** (Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты)

БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого / Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург

ОТДЕЛ ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ МАЭ РАН: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Отдел этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук возник в начале XX века в недрах первого российского музея – Кунсткамеры. С тех пор судьба отдела неразрывно связана с этим музеем. У истоков отдела стояли настоящие титаны отечественной этнографической науки: Лев Яковлевич Штернберг, Владимир Германович Богораз, Владимир Ильич Иохельсон. Большую помощь в процессе создания структурного подразделения оказал директор МАЭ Василий Васильевич Радлов. Параллельно с развитием Санкт-Петербургского, Ленинградского сибиреведения происходило становление и отечественной школы этнографии. Выпускники высших учебных заведений страны впоследствии становились сотрудниками отдела этнографии Сибири. В их числе следует назвать Глафиру Макарьевну Василевич, Андрея Александровича Попова, Сергея Васильевича Ивановна, Нестора Константиновича Каргера, Леонида Павловича Потапова, Евгению Алексеевну Алексеенко, Веру Павловну Дьяконову, Чунера Михайловича Таксами, Ларису Романовну Павлинскую, Елену Геннадьевну Федорову, Елену Алексеевну Михайлову, Надежду Всеволодовну Ермолову, Владимира Ивановича Дьяченко и многих других.

Экспедиционная, научно-исследовательская деятельность сотрудников отдела дополнялась важной музейной работой. Сами они привозили из Сибири и Дальнего Востока ценные предметы, иллюстрирующие особенности культуры коренных народов Севера. Кроме того, занимались тщательной атрибуцией хранящихся этнографических предметов, создавали временные выставки и экспозиции. Это знаменитая экспозиция «Народы Крайнего Северо-Востока», с включением в неё выставки «Шаманство и шаманы» (1903 г.); «Галерея шаманов», созданная в 1925 г. под руководством В.Г. Богораза; «Чукотское общество» (1934 г.). В последующие годы сотрудники отдела были создателями серии выставочных проектов, реализованных в России и за рубежом: в Японии, Корее, США, Финляндии, Германии, Великобритании и в других странах, участвовали в регистрации и перерегистрации большого числа коллекций, в организации музейной практики для студентов, в подготовке и проведении экскурсий. Настоящее прочно связано и с прошлым и с будущим. Сегодня отдел этнографии Сибири, как и весь музей, готовится к переводу своих фондов в новое фондохранилище, специально построенное в качестве Многофункционального научно-хранительского центра. Сотрудники отдела планируют в будущем значительно обогатить свою деятельность работой с этнографическими сибирскими коллекциями, для чего будут построены специально оборудованные помещения с системой климат-контроля.

ССОРИН-ЧАЙКОВ Николай Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

**«ЖИТЬ СРЕДИ ОДНОЙ ГРУППЫ ТУЗЕМЦЕВ ЦЕЛЫЙ ГОД»:
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ, СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И РЕФЛЕКСИЯ О ДЛИТЕЛЬНОМ ПОЛЕ В
ПОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1926 Г.**

Доклад посвящен одному из аспектов взаимоотношения социальной антропологии и социализма — в частности, обоснования длительного поля в советской этнографии. В основе его лежит отчет Б.О. Долгих о его участии в Похозяйственной («Приполярной») переписи 1926–1927 гг. как части Всесоюзной переписи населения 1926 г. «Похозяйственная перепись» – одно из названий этого проекта, из-за того, что единицей был не столько учет индивидов, сколько домохозяйств, которые классифицировались по складывающейся тогда в советской науке ленинской системе, делящей их на «бедняцкие», «средняцкие» и «кулацкие». Исследовательская команда включала этнографов, в том числе Б.О. Долгих, за двадцать лет до того, как он стал ведущим специалистом по Сибири. Отчет, который был подготовлен этой экспедицией и подписан Б.О. Долгих как одним из авторов, представлял собой описание трудностей, с которыми столкнулась экспедиция в сборе данных. Любопытно, во-первых, использование этого отчета для обоснования необходимости длительного поля, и, во вторых, обсуждение тех стратегий, которые регистраторы переписи использовали в качестве компенсации невозможности подобного поля. Как написано в отчете, «чтобы составить такой бланк действительно полно и точно, регистратору следовало бы жить среди одной группы туземцев целый год, тщательно наблюдая и ежедневно фиксируя все явления и склад хозяйственного быта». В докладе используются материалы отчета экспедиции, лишь частично вошедшие в публикации. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов», <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>

ДАНИЛЕЙКО Виктория Александровна

Красноярский краевой краеведческий музей

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА ЕНИСЕЙСКИЙ СЕВЕР В 1920–1930-Е ГГ.
КАК ПРЕДТЕЧА ЭТНОЭКСПЕРТИЗЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ**

В докладе рассматривается проблематика освещения положения народов Енисейского Севера в полевых материалах этнографов 1920–1930-х гг.

Известно, что этнологическая экспертиза как производимая по государственному запросу научная оценка актуального состояния этнической общности в условиях влияния тех или иных внешних факторов, получила широкое распространение с 1954 г., когда были сформированы Отдел по экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера и Арктики при Совете Министров РСФСР и Сектор народов Севера в московском отделении Института этнографии. Но начало ее было положено, по сути, еще первыми сибирскими экспедициями, осуществляемыми по указу Петра I и Екатерины II.

Целью данного исследования стало рассмотрение экспедиций 1920–1930-х гг. как предтечи советской этноэкспертизы 1950–1990 гг. В первую очередь, речь идет о так называемой Северной экспедиции 1938–1939 гг., осуществленной будущим заведующим сектора Севера Института этнографии Борисом Осиповичем Долгих, работавшим в рассматриваемый период в Красноярском

краевом краеведческом музее. Официальной целью экспедиции был «сбор материалов по социалистическому строительству в Красноярском крае». Работы велись на территории Таймыра и Эвенкии и включали в себя два направления: сбор статистических данных по численности населения, образованию, медицине, динамике развития колхозного строительства и различным сферам деятельности простейших производственных объединений (ППО) и собственно этнографические описания культуры и быта, запись фольклора и изучение родового состава таких народов, как кеты, эвенки, долганы, нганасаны и якуты с оз. Ессей. Фактически это были последние сборы уходящей традиционной культуры, активно трансформированной докатившей до Севера советизацией.

Для целей исследования были привлечены полевые дневники и доклады Г.М. Василевич за 1926–1927 гг., Г.Н. Прокофьева за 1925–1926 гг., А.А. Попова за 1937–1938 гг. и Н.П. Никульшина 1931, 1932 и 1936 гг. и других этнографов той эпохи. Используются также неопубликованные материалы ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН» и КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей».

СТАСЬ Игорь Николаевич

Тюменский государственный университет

В ПОИСКАХ ТУНГУССКОЙ СТОЛИЦЫ: ИНДИГЕННЫЙ УРБАНИЗМ, ДИСКУРС О МОДЕРНОСТИ И ЭТНОГРАФ НИКОЛАЙ ПОПОВ В ТУРИНСКОЙ КУЛЬТБАЗЕ В КОНЦЕ 1920-Х – 1930-Е ГГ.

В 1930 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга этнографа Николая Петровича Попова под названием «В поисках Тунгусской столицы». Ученый, который в 1926–1928 гг. провел в экспедициях среди эвенков на Подкаменной Тунгуске, заглавием своей книги достаточно точно обозначил один из главенствующих дискурсов, подпитывавший советскую национальную политику в Арктике с конца 1920-х гг. Этот дискурс можно обозначить как идеологию индигенного урбанизма (Blatman, Mays 2023), которой придерживались большевики и различные технократы, осваивающие Арктику. Основным постулатом такого урбанизма было стремление седентаризации кочевого населения Крайнего Севера через различные идеи о городской жизни, что в свою очередь являлось необходимым условием интеграции коренных народов в советское государство.

Современная историография достаточно хорошо изучила, как большевики взаимодействовали с этническими группами Арктики в 1920 – 1930-е гг. Исследователи приходят к выводу, что категоризация разнообразного населения осуществлялась в основном посредством политики коллективизации (Ventsel 2005: 69–75; Ziker 2002: 76–81; Fondahl 1998: 57–63; Balzer 1999: 103–106). В своем докладе я подтверждаю эти тезисы. Однако я хочу обратить внимание на то, что советский нарратив о социалистическом преобразении индигенного хозяйства являлся не просто колониальным дискурсом, а был тесно связан с представлениями о модерности (Cooper 2005: 113–149).

Многие современные ученые склонны рассматривать СССР как государство социалистической модерности (David-Fox 2015: 21–71). Одним из главных ее проявлений было насаждение «цивилизации» и «культуры» в повседневную жизнь разных этнических и социальных групп (Hoffmann 2003: 15–56). Однако большевики создавали особые отношения реципрокности между субалтернами и государственными институтами. Они преподносили модерность как дар для «отсталых» групп населения через политику коллективизации, седентаризации и образования. Принимающие этот дар брали на себя обязательства следовать правилам нового социалистического строя (Ssorin-Chaikov 2017: 95–119).

Вместе с тем социальное конструирование модерности через коллективизацию традиционных форм индигенного хозяйства неожиданно было тесно связано с репрезентацией идеального

социалистического города. В данном докладе я исследую это взаимодействие колониальной риторики об индигенных группах и дискурсивной идеализации городской модерности на примере культбазы Тура, которая в 1930-е гг. стала центром Эвенкийского национального округа. В своем исследовании я покажу, как эта модерность, воображаемая через городские образы Туры, осуществляла дискурсивное присвоение индигенности. Доклад будет основан на материалах газеты «Эвенкийская новая жизнь», архивных документов Комитета Севера и Эвенкийского окрисполкома, а также некоторых текстов этнографов-североведов.

СТЕПАНОВА Лена Борисовна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

ВИЗУАЛЬНЫЕ ФОТОПРОЕКТЫ КЯР АН СССР И НКЗ РСФСР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕПРОЗОРИЕВ В ЯАССР

В период становления советской системы здравоохранения одной из первоочередных задач было решение проблемы распространения заразных болезней у населения страны. В фокусе медицинских исследований КЯР АН СССР и НКЗ РСФСР в 1920-е гг. находилось изучение причин распространения проказы у северных индигенных сообществ.

Отчеты сотрудников медицинских отрядов КЯР АН СССР и Наркомата здравоохранения РСФСР, помимо фотофиксации зон распространения поражений на теле, процедур перевязки и других лечебных процессов, содержат кадры, иллюстрирующие организацию медицинского быта в лепрозориях и лепкомах в северных районах ЯАССР. В исследованиях врачей Т.А. Колпаковой, Е.П. Михеева, А.А. Владимирова отмечена интересная поведенческая стратегия местного населения по отношению к тяжёлым, смертельным и неизлечимым видам болезней, относимым к категории «кусаган ыарыы» (в пер. плохая болезнь). Стратегия умалчивания «нехороших» болезней является одной из отличительных черт поведения индигенного сельского сообщества.

Фотография здесь выступает не только в качестве документального свидетельства отклика на произошедшие в обществе социокультурные изменения, но также инструментом, раскрывающим реалистичный срез истории становления государственной системы оказания медицинской помощи в ЯАССР. Интерпретация данного визуального нарратива в контексте предпринятого исследования открывает новую область для анализа особенностей развития визуальной культуры региона в советский период.

АЛЕКСЕЕВА Сардаана Анатольевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУКЕ...: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ- ТУНГУСОВЕДА ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА (1877–1931)

Тема доклада посвящена изучению интеллектуальной биографии выдающегося ученого-североведа Виктора Николаевича Васильева (1877–1931), уроженца Амгинской слободы Якутской области. Являясь одной из ключевых фигур интеллектуального ландшафта советского периода, он заложил основы научного освоения и гуманитарного освещения Севера, оставив после себя богатейшее архивное наследие, не расшифрованное и не введенное до сих пор в широкий научный оборот. Жизнь и судьба ярких представителей первой волны якутской интеллигенции представля-

ется нами через призму биографического дискурса в контексте социальных коммуникаций и стратегий начала XX в. Реконструкция жизненного мира В.Н. Васильева в рамках исторической биографии позволяет выявить поведенческий код национальной интеллигенции, который характеризуется беспримерным мужеством первых исследователей-североведов, отдавших не только все свои силы, светлый ум, благородное сердце, но и жизни истинному служению Науке.

Изучение «биографии среды» В.Н. Васильева показывает глубокую связь его семьи с политическими ссыльными, которые сыграли важнейшую роль в становлении Виктора Николаевича как личности. В его авторском ландшафте отразились жизненные стратегии и высокие духовно-нравственные ценности целого поколения блестящих интеллектуалов, интеллектуальной элиты того времени, имевшей свой взгляд на происходящие процессы в российском обществе конца XIX – начала XX века. Реконструкция интеллектуальной биографии невозможна без обращения к «эго-документам», отражающим личный, эмоциональный опыт, отношения с близкими, коллегами, раскрывающими процесс формирования и развития личности, а также проецирующую картину мира интеллигента в исторической динамике.

Итак, обращение к интеллектуальной биографии В.Н. Васильева (*local historian*) представляется мне актуальным по нескольким причинам. В первую очередь, актуальность связана с так называемым «антропологическим поворотом» в российской интеллектуальной традиции, или «биографическим поворотом» в интеллектуальной и культурной истории (по Л.П. Репиной), парадигмальной ломкой, связанной с персонализацией предмета истории и оформлением таких ее проблемных полей, как новая биографика и новая локальная история. Во-вторых, личным интересом как этнографа в части интерпретации и переосмысления/нового прочтения уникального интеллектуального, в том числе экспедиционного, наследия КМНС, саморефлексией в отношении так называемой «уходящей культуры», носителями этнической традиции, современниками и свидетелями которых мы являемся в настоящее время.

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗЫ КАМЧАТКИ В ВИЗУАЛЬНОМ АРХИВЕ ЭТНОГРАФА ЕЛИЗАВЕТЫ ОРЛОВОЙ (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

На основе архивных источников рассматриваются визуальные материалы ленинградского этнографа Е.П. Орловой (1899–1976) – исследовательницы севера Сибири и Дальнего Востока, созданные во время ее экспедиций на Камчатку в 1920–1930-е годы, в эпоху социалистического строительства края. Экспедиционные визуальные материалы Е.П. Орловой анализируются в аспекте методологического обеспечения полевых исследований этнографов-североведов в раннесоветский период и в контексте реализации масштабных проектов по изучению фото- и кинодокументирования Севера в 1920–1930-х годах. Показывается, что визуальное наследие Е.П. Орловой параллельно с этнографическим описанием демонстрировало многомерный образ Камчатки, включающий в себя разнообразие этнокультурных сюжетов. Фотоматериалы Е.П. Орловой находились в русле развития экспедиционной фотографии в 1920–1930-е годы в СССР и раскрывали особенности и темп процессов советизации на отдаленной камчатской территории. В этом отношении визуальный архив Орловой является значимым историческим источником в контексте советской визуальной антропологии.

КАРАПЕТОВА Ирина Альфредовна

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ПО НГАНАСАНАМ И ЭНЦАМ В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В настоящее время, когда традиционная культура как целостная структура у многих народов уже утрачена, возрастает роль музейных коллекций как важнейшего историко-этнографического источника. Все вышесказанное в полной мере относится и к культуре самых северных жителей нашей страны – нганасн и энцев. Российский этнографический музей хранит одну из самых ранних коллекций по культуре этих малочисленных народов, основа которой была заложена известным североведом, этнографом и краеведом П.Е. Островских в 1901–1903 гг. В целом, коллекция РЭМ, собранная на протяжении XX столетия, представляет собой яркий комплекс подлинных артефактов, с достаточной полнотой раскрывающий уникальную и самобытную культуру этих народов.

ТЮШЛЯЕВ Егор Максимович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА В ЛЕНИНГРАДЕ В 1930-Е ГГ.

В докладе рассмотрен ленинградский опыт этнографического североведения, особенности «проекта Богораза» и история Института народов Севера (ИНС) в 1930-е гг. как первая попытка Советского государства «узнать» Север.

Кем должны были стать и кем стали студенты Института народов Севера? Я бы хотел посвятить свой доклад истории учеников ИНС, посмотрев на привычный для историографии сюжет через призму «Дара империи» (в нашем случае, социализма и «современности»). «Дар империи» – антропологический концепт Б. Гранта, через призму которого автор исследовал государственные практики Российской империи на Кавказе и который на основании сибирских материалов был переработан Н. Ссориным-Чайковым как «Гоббсовский» дар «современности» в контексте глобальной истории «развития» (Grant 2009, Ssorin-Chaikov 2017). Согласно М. Моссу, дар – это совокупность трех обязательств: подарить, принять дар и ответить ответным даром, и это классическое понимание дара мы встречаем не только в антропологии, но и в истории дара (Davis 2012). Истории дара фокусируются на понятиях дара и ответного дара, но что такое «обязательство принять дар»? Я попытаюсь посмотреть на идею образования в Ленинграде представителей коренных малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера через призму «дара», понимаемого как «современность», делая акцент на принятии «дара современности» (как даруемого учащемуся статуса национальной интеллигенции) первыми студентами ИНС. Поэтому вопрос о том, кем должны были стать и кем стали студенты ИНС, рассматривается здесь как одно из проявлений московского «обязательства принять да» в контексте национальной политики Советского государства в регионе Крайнего Севера с акцентом на разнице между *должным* (кем эти ученики должны были стать) и *действительным* (кем эти ученики действительно стали).

Вывод, выносимый на обсуждение в рамках доклада: если, согласно источникам Комитета Севера, одариваемый новым статусом национального интеллигента учащийся ИНС должен был стать миссионером новой Советской культуры и передарить такое понимание «современности» на Крайний Север, то на практике, ввиду длительной учебы в отрыве от этнической среды, этот второй уровень дара мог приводить к элитизации дарящего, созданию социального расстояния и со-

циального неравенства между дарителем и одариваемыми коренными малочисленными народами Сибири и Севера, что препятствовало реализации Советской политики в регионе.

ОРЛОВА Татьяна Сергеевна

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОЙ ХРАМОВОЙ ТРАДИЦИИ: ИКОНОСТАСЫ, САКРАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА

Доклад посвящен уникальным особенностям сакрального искусства Русского Севера XVII–XVIII вв. на примере резных иконостасов, сохранившихся в храмах Архангельского региона. Внимание уделено символике иконостасов, их композиционным решениям, а также роли иконостаса как границы между духовным и материальным мирами.

Особое место в докладе занимает обсуждение деревянной резьбы иконостасов, рассматриваемой как синтез архитектуры, живописи и ДПИ. Акцент сделан на анализе техники и стиля резьбы, характерных для иконостасов Поморья, в которых сочетались местные традиции с элементами барокко, пришедшими на Русский Север благодаря культурным контактам с центральными регионами России.

Отдельное внимание уделено процессу создания иконостасов: работа иконописцев, резчиков и мастеров по золочению часто координировалась в артелях, создавая произведения исключительной художественной ценности. Некоторые сохранившиеся образцы были исследованы Т.М. Кольцовой и другими учеными, что позволило выявить характерные черты северных иконостасов: монументальность форм, декоративная орнаментальность и выразительность композиций.

Доклад также включает в себя обзор современных реставрационных и исследовательских инициатив, направленных на сохранение и изучение северных резных иконостасов. Примеры взаимодействия музеев и реставрационных центров показывают, что иконостасное искусство Русского Севера остается важной частью культурного наследия России, несмотря на разрушение и утрату значительной части памятников.

Сохранение основных черт древнерусской скульптурной традиции — устойчивость типологических схем, выразительность и профессиональное исполнение — характерно для пермских памятников. В XVIII в. происходит кардинальная перестройка иконостасов, которая отражает тенденции московского барокко. Этот стиль проникает на прикамские территории через Москву, северные центры резьбы, Нижний Новгород и другие регионы Поволжья, демонстрируя взаимосвязь и взаимовлияние различных архитектурных и художественных традиций России.

Исследование культурного наследия Русского Севера в области народного искусства представляет собой уникальное и до некоторой степени недостаточно изученное направление. Отдалённость этих территорий, окружённых обширными лесами и болотами, способствовала сохранению традиционной бытовой культуры, переданной из поколения в поколение. Особенно это заметно в архитектуре и домашнем украшении: здесь до сих пор можно встретить жилища с уникальными «прорезными» или «расписными» наличниками, отапливаемые дровяными печами «по-черному», с окнами, застеклёнными слюдой вместо обычного стекла.

РАЗУМОВА Ирина Алексеевна

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты

СЕЛО НА ТЕРСКОМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГОВ 2000-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЦГП КНЦ РАН 2004 Г.

Этнографическая экспедиция в Терский район Мурманской области в составе сотрудников ЦГП КНЦ РАН Е.Я. Пации, И.А. Разумовой, И.А. Травина состоялась в октябре 2004 года. В задачи входило изучение хозяйственно-культурной жизни села, знаний и представлений о его истории, образа жизни, состояния традиционной рыболовецкой культуры, а также осмысления, оценки и переживания терчанами современной ситуации и перспектив, то есть адаптации жителей к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Главная проблема села – транспортная: еженедельное воздушное сообщение с районным центром было нерегулярным. Транспортная проблема определяла социальную ситуацию: дифференцированная стоимость билета на самолет в зависимости от регистрации стала неблагоприятным социально-экономическим и морально-психологическим фактором. Трудовую занятость обеспечивает рыболовецкий колхоз. Устная история села конструировалась на основе успешности его деятельности, лучшими признаны 1960-е–1970-е гг., при этом продукты рыболовства и зверобойного промысла обеспечивали благополучие даже в кризисные периоды, включая годы войны. В оценках результатов социально-экономических перемен преобладали настроения фатализма. Наблюдались переход к сезонному образу жизни, неопределенность разделения статусов «местных» и «приезжих». Особую социально незащищенную категорию составляли жители, для которых недоступно обучение детей с отрывом от дома. В селе остается начальная малокомплектная школа. Критические суждения о развитии туризма основывались на сравнении уровней жизни и объемов капиталовложений в туризм с выплатами колхозникам. Домашний быт жителей был хорошо обустроен, несмотря на ограничение электроснабжения. Культурную жизнь в селе поддерживала работающая молодежь, не имевшая миграционных установок и оценивавшая потенциальный отъезд как вынужденный. Вместе с основным жизнеобеспечивающим занятием сохраняется рыболовная культура. Отмечено немало объектов традиционной сельской среды и домашнего быта. Термин «помор» не употребителен, в отличие от прозвищ жителей отдельных сел.

Полевые материалы 2004 г. были сопоставлены с текущей информацией различных источников о современной жизни поселения. Небольшое село, население которого летом увеличивается в несколько раз, пополняют осваивающие место сезонные жители. Чаваньга, продолжая быть удаленной, живет и адаптируется к социально-экономической реальности за счет естественных ресурсов, предоставляемых природой и традиционным видом хозяйства.

ЗМЕЕВА Ольга Васильевна

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты

СТАРИННОЕ ПОМОРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОГО ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В докладе представлены этнографические материалы, собранные в конце 2000-х гг. в ходе полевого исследования в поселке Териберка Кольского района Мурманской области, расположенном на берегу Баренцева моря. В настоящее время Териберка превращается в место туристи-

ческого паломничества, на момент исследования она переживала самый критический этап своего существования. Основной целью полевого исследования 2008 года было ознакомление с современной социально-культурной средой поморского поселения, известного по письменным источникам с XVI в., и сбор устных источников по локальной истории.

Старожильческое население в поселке почти отсутствует; жители представляют, в основном, второе – реже третье поколения переселенцев из северных и центральных районов России, преимущественно из села. Традиции поморского быта усвоены в той мере, в какой рыболовство остается основой жизнеобеспечения той или иной семьи. История поселения является предметом исключительно экспертного знания. Актуальная память териберчан углублялась до конца 1930-х годов и Великой Отечественной войны. Устную историю составляют социально-экономические сдвиги, связанные с изменениями статуса поселка, открытием и закрытием производства (рыбозавода, судоремонтных мастерских), периодами развития и упадка колхоза. Временем расцвета признавались вторая половина 1950-х–начало 1960-х гг. Основным удар по Териберке был нанесен политикой «укрупнения хозяйств» в начале 1960-х гг., а окончательный – в 2006 г. в результате смены руководства и административного статуса. Более всего сказалось на социальном самочувствии жителей закрытие средней школы, созданной в начале 1930-х гг., у которой была очень высокая культурная репутация; с историей школы ассоциирована у всех жителей история Териберки. Сейчас развалины школы рекламируются на туристических сайтах как достопримечательность села. Другим центром культурной жизни был и остается Дом культуры благодаря деятельности Териберского поморского народного хора, организованного в 1935 году, которым долгие годы руководила заслуженный деятель культуры РФ М.С. Селезнева, знаток поморской песенной традиции.

В настоящее время старинное поморское поселение, которое имело многовековую историю и этнографическое своеобразие, выживает за счет развития туристических технологий, закрепляющих в массовом сознании модные мифы о «Гиперборее», «местах силы» и т.п.

ШАЛАХОВ Евгений Геннадьевич

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Йошкар-Ола

ТАВИКУРТЛОР И СЕЙМА: АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ СЕВЕРОВЕДЕНИИ

Грунтовый могильник Товкуртлор 3 стал известен благодаря раскопкам археолога В.И. Стефанова в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Всего изучено 13 древних могил, отнесенных к эпохе раннего металла. Берег озера Тавикуртлор в Нижнем Приобье, где обнаружены захоронения, является наглядным примером адаптации к природной среде и её ресурсам. Например, для развития древнего гончарства необходима была вода, и её не приходилось носить издалека. И месторождения глины, из которой вылеплена посуда погребального памятника (собрано около 250 фрагментов керамики), очевидно, использовались исключительно местные. Кроме того, материальная культура создателей могильника Товкуртлор 3 представлена набором каменных орудий. Каменный инвентарь включает наконечники стрел треугольной формы из кремня и кварцито-песчаника, плоский нож-вкладыш из кварцито-песчаника, кремневые скребки подтреугольной формы, нуклеус, отбойник-абразив, подвеску из шиферного сланца, плоские гальки-гладилки из разных пород камня и массу кремневых и кварцевых отщепов. Таким образом, основными повседневными занятиями древних приказимцев были керамическое производство и камнеобработка. Наличие в могилах 3, 5 и 11 Товкуртлорского некрополя нетипичных для прика-

зымцев наконечников треугольной и подтреугольной формы с усеченным основанием, по В. И. Стефанову, маркирует присутствие какой-то пришлой сейминско-турбинской группы, хоронившей здесь своих воинов. Удивительно мало металла на изученном памятнике – только бронзовый нож-скобель, относящийся к производственному инвентарю скорее таёжной зоны, чем зоны высоких широт. Аналогичный нож найден на Сейминской дюне. У приказымцев металлообработка могла существовать, так как уже был определённый спрос на высокотехнологичный по тем временам инструментарий из меди и её сплавов. Ещё одна важная находка сделана в товкуртлорской могиле 3. Это предмет неутилитарного назначения – миниатюрная орнаментированная фигурка животного из глины, которая своей иконографией напоминает эквида, отлитого на навершии рукояти сейминско-турбинского бронзового ножа-кинжала, происходящего из Казахского Прииртышья. Глядя на стилизованное изображение лошади из товкуртлорского погребения, легко представить то, чем занимались и на ком передвигались в повседневной жизни носители сейминско-турбинской традиции. Сейминско-турбинские коневоды принесли в северотаёжную зону Западной Сибири новые хозяйственно-адаптационные концепты, изменившие в дальнейшем стратегию развития энеолитических коллективов Крайнего Севера.

ВИГЕТ Даниил Андреевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

РЕКИ И ДОРОГИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХАНТЫЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БОЛЬШОМ ЮГАНЕ

Продолжающееся нефтегазовое освоение на Югане повлекло за собой устойчивые перемены в культуре юганских ханты. Ежегодно расширяющаяся в ответ на запросы нефтяной разработки сеть дорожной инфраструктуры серьезно повлияла на приоритеты многих семей в хантыйской общине Югана, сместив оси движения с маршрута Угут-Сургут на Пионерный-Нижневартовск и увеличивая зависимость хантынского населения от автомобильного транспорта в ущерб привычным речным маршрутам. Вместе с другими переменами в потребностях и зависимостях, старых и новых, этот сдвиг хантыйской жизни напрямую отражается на социальном пространстве, чувстве общности, религиозной общности культурных практик юганских ханты и, помимо много другого, вновь приводит к вопросу – где начинается и где заканчивается граница «традиционного образа жизни»?

МАЛАКШАНОВА Виктория Баторовна

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого / Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург

ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ АМУРА И ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ В 2015 –2024 ГГ.)

В работе будут рассмотрены нартенные, водные средства передвижения в системе жизнеобеспечения народов Хабаровского края по материалам экспедиций в Хабаровский край в 2015, 2017, 2018, 2022–2024 гг.

С внедрением новых материалов, транспортных средств (снегоходов, буранов, моторных лодок) происходит трансформация конструкций нарт, лодок, меняются отдельные детали, грузо-

подъёмность, улучшаются эксплуатационные способности нарты, лодки. Процесс трансформации транспортных средств, их значение планируется рассмотреть на примере народов Хабаровского края – эвенков, негидальцев, нанайцев.

В настоящее время лодка – распространенный вид транспорта у народов бассейнов рек Амура, Амгуни и Охотского побережья. Во многом это связано с рыболовным промыслом, приносящим доход и обеспечивающим основным продуктом питания. Кроме того, для охотских эвенков это один из основных летне-осенних средств передвижения. Данная локальная группа эвенков расселена на отдаленной и труднодоступной территории, куда можно добраться только воздушным сообщением, в летний период времени грузы доставляются водным путем, передвижение внутри районов в основном осуществляется на лодке, что позволяет наладить снабжение в районе и за его пределами. В настоящее время охотские эвенки чаще всего занимаются изготовлением лодки самостоятельно, модернизируя ее с применением современных технологий.

Другой вид транспортного средства – нарта, также претерпела изменения и используется в основном у эвенков-оленоводов. Традиционно езда на нартах для эвенков была нехарактерной, ее появление зарегистрировано у некоторых групп в XVIII–XIX вв. Конструкция нарт была заимствована у оленных якутов, нивхов. У современных оленоводов нарта используется и зимой, и летом при перекочевках, доставке воды. У нанайцев и негидальцев она перестала использоваться сравнительно недавно, в конце XX в.

ОСИПОВА Елена Дмитриевна

Намский педагогический колледж им. И.Е. Винокурова, с. Намцы

ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ У ЯКУТОВ

Одним из важных направлений современного декоративно-прикладного искусства является применение наиболее эффективных механизмов передачи традиций народа. В связи с этим особое значение приобретает необходимость создания рукотворных вещей, которые должны способствовать сохранению и развитию самобытных традиций народа Саха. Изучение музейных коллекций якутских берестяных изделий в контексте традиционной культуры позволило выявить различные виды и формы берестяных изделий, показать их предназначение в хозяйственной деятельности, классифицировать берестяные изделия по видам, формам, раскрыть особенности их применения и показать культурную целостность якутских берестяных изделий в прошлом и в настоящем.

Береста занимала большое место в хозяйстве якутов. Изготавливали различные изделия начиная от обыденной посуды до архитектурного объекта. Они украшались богатым орнаментом, отличались многообразием форм. Многие изделия из бересты сохранились до наших дней: одни хранятся в музеях, другие востребованы, как домашняя утварь, и по сей день. В научной литературе якутским берестяным изделиям отведено немало места. Вместе с тем технология их изготовления разработана еще далеко недостаточно.

Изготовить что-то из бересты не так-то просто, технология достаточно сложная. При изготовлении берестяной посуды применяли различные технические приемы – в зависимости от назначения. Техника исполнения состоит из пяти основных приемов: (1) Простое соединение самой берестой; (2) Соединение с помощью дерева, тальника; (3) Соединение с помощью простых швов из конского волоса с тальником; (4) Соединение с помощью сложных швов из конского волоса с тальником; (5) Соединение с помощью сложных швов из конского волоса с тальником и со слюдяной вставкой или любого другого материала.

Вывод: Береста является одним из древнейших материалов, используемых человеком для бытовых и хозяйственных нужд. При классификации якутских берестяных изделий на первый план выдвигается назначение предмета и его конструктивные особенности. Все остальные показатели (форма изделий, национальное название, способ нанесения орнамента) являются дополнительными и составляют описательную часть в примерах типологизации предметов. Исследованные в музеях республики берестяные изделия имеют свои характерные черты по отдельным улусам, особенности в декорировании, использовании швов, тальника. Например, в работах мастеров Намского улуса преобладает использование тальника для декорирования, мастера Сунтарского улуса больше используют тиснение поверхности изделия, выскобленные рисунки, кроме того, многие изделия пришиты декоративным «веерным швом» *«тарбаты сиик»*, что не встречается в центральных группах улусов республики, работы Таттинских мастериц имеют сдержанное декорирование, некое подобие выдержанной классики. Но в то же время работа каждой отдельной мастерицы уникальна по-своему почерку и качеству выполнения работ.

ВАРАВИНА Галина Николаевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск

СЕМИОТИКА ТЕЛЕСНОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ: УКРАШЕНИЕ И СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА

В докладе рассматриваются традиционные соматические представления эвенов. С точки зрения семиотики культуры проводится исследование представлений о волосах человека как части мировоззренческой системы, языковой картины мира и традиционной культуры. Изучены приметы, запреты, обряды и повседневные ритуальные практики, связанные с традиционными представлениями о волосах, а также рассмотрены накосные украшения эвенов как оберег. В традиционном мировоззрении одним из эквивалентов души человека являлись волосы, которые представляли собой материальное воплощение невидимой «нити-судьбы».

В традиционные женские накосные украшения входят: накосники, косоплетки, ленты для волос с бусами, сделанные из оленьих жил и тонко вырезанной ровдуги. *Илчар* – на тонко вырезанную ровдугу нанизывали круглые серебряные, металлические пуговицы (шарики) или большие бисера, внизу украшения завязывали бусинку, и заплетали в косу. *Өнэчин* – нанизывали бисер, делали различные украшения, тонкой ровдугой завязывали косу, как ленточку. *Уир* – косоплетка, на ткань или замшу темного цвета шивают бисером узоры, изображающее природное явление. *Уйчик* – накосное украшение, на ровдугу зашивают бусины, внизу подвески из бус. Подвески имеют оберегающее значение, по поверьям эвенов они отпугивают злых духов. Различные накосные украшения из ровдуги и бисера. Изготовленное из бисера накосное украшение имело круглую форму и изображает солнце (также возможно и глаза), которое имеет оберегающую функцию, подвески из бисера – отгоняют злых духов. Для изготовления этих накосных украшений применялись ровдуга, ровдужная бахрома, бисер, бусы, пуговицы, белый металл, кожа. А также у эвенов имелись накосные украшения из железных пуговиц, нанизанных на замшевые веревочки. Их можно было вплетать в косу или соединять ими две косы. Для украшения использовали также колокольчики, серебряные пуговицы, чтобы оберегать от злых духов. Также у эвенов-тюгасиров для накосных украшений применяли шкурки животных, например, девушки закрепляли заплетенную косу украшением из хвоста горностая. Эвены считали, что в личном украшении человека живет часть души хозяина, особенно это касается накосных украшений.

В традиционной мировоззренческой системе эвенгов волосы имеют особый сакральный смысл. В сакральном символизме они являются сосредоточием жизненных сил человека и средством мировосприятия. Волосы, включая и те, что на теле – символ и вместилище души и жизненной силы человека. В связи с этими представлениями в мифо-ритуальной практике эвенгов существовали многие обычаи и обряды, основанные на сохранении души человека, а также различные табу.

ВРТАНЕСЯН Гарегин Суренович

Центр изучения религий, Москва

ОСОБЕННОСТИ СЧЕТА И «ЧИСЛОВОЙ ОБЛИК» ТЕКСТОВ У НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ: ПАЛЕОАЗИАТЫ VS УРАЛЬЦЫ И АЛТАЙЦЫ

«Сибириада» Б.О. Долгих началась с кетов, говорящих одним из палеоазиатских языков. Числительные – наиболее консервативная часть лексики. В языках Северной Азии есть две схемы номинации числительных, парная у самодийцев, обских угров, юкагиров. Единичные случаи парной номинации есть в старомонгольском, нивхском. В т.н. палеоазиатских (кеты, коряки, чукчи, ительмены, нивхи (?), алеуты, чуванцы (?), айны, счет внутри первой пятерки строится поединично, а во второй пятерке по схеме $n+5/5+n$. То есть основа счета в первой группе «пара» (руки), во второй – пальцы. С опорой на представления Поппе (1927), автор связал представление о «пределе счета» в языках Северной Азии (обские угры, самодийцы) с «шестеркой», а «семерка» была уже за пределом счета, что объясняет её сакральный статус и появление в нарративе обских угров, самодийцев, тюркских языках Южной Сибири, числового комплекса 6-7 / 7-6. Шесть имело этимологию «много» у нивхов и айнов. Низкая частотность пятерки в текстах народов с парным счетом (уральцы), ещё одно тому подтверждение. И наоборот, высокая частотность пятерки характерна для текстов палеоазиатов, результат опоры на общее число пальцев руки. В кетских текстах промежуточная ситуация, - сравнительно высокая частотность семерки, как результат селькупско – кетского симбиоза, с другой формирование числительных по схеме $n+5 /5+n$. Номинация числительных с основой три (юкагирский, старомонгольский), сохранилась в Сибири в меньшей степени, чем двоично-парная, хотя в языках Северной Америки это норма. В нарративе якутов и эвенков, доминируют числа 3, 9 и 8, и числовые комплексы на их основе. У долган, наряду с числами три, восемь и девять, сохраняется и семерка. Юкагирские тексты, занимают промежуточное положение между западно и восточно – сибирскими. В них есть парные числа (2-4-8), но почти нет семи. Если на западе Северной Азии, заметно доминируют числовые комплексы на основе 6 и 7 (самодийцы, уральцы, кеты), то в Восточной Сибири это числа три, восемь и девять. На Дальнем Востоке доминирует число пять и её производные (Вртанесян, 2022).

НАУЧНАЯ СЕССИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ДИАЛОГИ»

Модераторы:

Новикова Наталья Ивановна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва), **Хаховская Людмила Николаевна** (Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан)

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан

**НОМЕНКЛАТУРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА,
АБОРИГЕНОВ И ЭКСПЕРТОВ**

На примере региональной номенклатурной проблемы (отсутствие номинации «чукчи» и «эскимосы» в списке коренных народов Магаданской области) автор обсуждает актуальные практики взаимодействия государственной власти с коренными народами при привлечении этнографов в качестве экспертов. Прослеживается складывание этнической картины Крайнего Северо-Востока России и динамика этнической номенклатуры данного региона. Охарактеризованы подходы к законодательной деятельности в этой сфере со стороны официальных органов, представления и мнения самих коренных жителей, а также позиции этнографов. Показано, что государственная власть учреждает номенклатуру и ее административно-территориальное соответствие, а также категоризирует этнические образования по степени традиционности их облика в связи с местом проживания. Вразрез с этим, сами коренные жители определяют свои этнические свойства в широких исторических и территориальных пределах, свободно перенося в наши дни давно сложившиеся особенности поведения и менталитета своих предков. Аутентичные представления коренных жителей отмечены и прочной связью этноса с «землей и почвой», и творческим переосмыслением современных этнических границ, которые считаются свободными и проницаемыми. Позиция экспертов различается в зависимости от степени приближенности к региональным проблемам.

МАРТЫНОВА Елена Петровна

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

РЕЕСТР КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РФ VS ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ?

Благодаря специальному правовому статусу коренные малочисленные народы Севера (КМНС) получают в нашей стране определенные преференции, выражающиеся, прежде всего, в доступе к традиционному рыболовству и охоте. Во многом для этих целей в 2020 г. был введен новый механизм учета лиц, относящихся к этой категории – Реестр (список) КМНС, составленный

под эгидой ФАДН. В докладе будут рассмотрены вопросы о формировании Реестра, об отношении к нему представителей местного населения, о значимости его как инструмента, влияющего на выбор этнической идентичности среди северян. В фокусе внимания будут также факторы выбора этнической принадлежности во время проведения переписей населения, в частности, знание родного языка, этнокультурная среда, образ жизни, занятость в традиционных отраслях.

НОВИКОВА Наталья Ивановна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

ЗАКОНЫ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ: ДЕФИНИЦИИ, СЛОЖНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И РОЛЬ ЭКСПЕРТОВ

В докладе будут показаны процессы появления плюралистичных законов о коренных народах Севера России и сложности их прочтения и применения. Рассматриваются федеральные и региональные законы, касающиеся кочевых народов, а также возможные инкорпорации их обычного права в правовую систему государства. Анализ строится на материалах полевых исследований законотворческого процесса в Москве и Якутске, а также повседневной жизни коренных народов в различных регионах Севера и Арктики. Подчеркивается важность учета обычаев и традиций для выработки государственной политики в отношении этих народов в современных условиях, отмечаются особенности правосознания кочевников. Методологическим подходом к антропологической критике законодательства является плановый правовой плюрализм. Предложенная рамка позволяет показать важность регулирования повседневной жизни на основании локальных знаний и сложности правоприменения плюралистичных законов. В академическом дискурсе произошел существенный поворот от изучения обычного права как существовавшего в прошлом к исследованиям его как регулятора современной жизни аборигенных и не только сообществ. Однако остается много нерешенных и даже не осмысленных проблем в правоприменении таких норм. Центром исследования стали региональное законодательство Республики Саха (Якутия) о кочевниках и учет в государственной правовой системе обычаев и традиций коренных народов. Важность этого аспекта для защиты прав коренных народов подчеркивается решением Конституционного суда по жалобе Г.К. Щукина – представителя общины долган (Красноярский край) о значении правовых обычаев в регулировании охоты. Подобная судебная практика очень мала, но имеет большое значение для определения статуса коренных народов в государстве. В результате законотворческой работы последних лет в России складывается новое право, учитывающее многообразие правовых режимов на территории федеративного государства.

ЯПТИК Елизавета Сэроковна

Служба ЗАГС Ямало-Ненецкого автономного округа, Яр-Сале

«ОНЕНЕЧИВШИЕСЯ» ХАНТЫ – ХАБИ: СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

К группе «оненечившихся» ханты относятся семь родов: Саяндер, Лар, Неркыхы, Тибиця, Пандо, Порнгуй, Няданггы. Первое письменное упоминание о роде Обдорский, по материалам Б.О. Долгих, было в 1695 году: он отождествляет его «с современным родом Саяндер потому, что слово “саяндер” в переводе на русский язык значит “обдорский” (дословно “мысовой”)». По

принципу разделения родов, разработанных исследователем, «оненечившиеся» хаби относятся к третьей группе «небольших родов, образованных пришельцами».

На заре вливания *хаби* в ненецкое сообщество, думается, вопросов с этнической идентификацией этой группы не было. Но как же обстоят дела сегодня с сознанием хантыйского происхождения, когда их брачными партнерами (женами) являются ненки? Насколько сохранился родной язык, в каких сферах деятельности? Существуют ли религиозно-культурные элементы, присущие хантам? Почему до сих пор они называют себя «хаби»? На основе полевых материалов, собранных на полуострове Ямал, автор постарается ответить на эти и другие вопросы.

МИХАЙЛОВА Виктория Власьевна

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) / СВФУ им. М.К. Аммосова

ТРЕХСЕКТОРНАЯ ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И ПРАКТИКА ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Быстрое развитие промышленного сектора на Российском Севере вызвало к жизни множество проблем и рисков с непредсказуемым характером. Исследователи разных научных направлений – антропологии, экономики, социологии, юриспруденции, географии, экологии и др. – особое внимание уделяют взаимоотношениям коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с нефтегазодобывающими компаниями и государством.

Анализ влияния промышленности на традиционное хозяйство в условиях Севера предполагает, по крайней мере, два важных взаимосвязанных методологических посыла – учет внутренних факторов социокультурной специфики поселений и представление об экономике северных территорий как единстве трех секторов – традиционного, промышленного и государственного.

С середины двадцатого века в социальных науках произошла смена методологической установки в понимании пространственного развития социальной системы от гомогенной к гетерогенной. Пространственное развитие социальной системы не может быть равномерным и однородным. Ранее социальная система представлялась как гомогенная, где ее свойства были одинаковы во всех ее частях или менялись непрерывно. Внимание было акцентировано на внешних факторах функционирования социальных систем – экзогенного роста. Представление о гетерогенности социальной системы, которая состоит из различных по своим свойствам, разграниченных частей, меняет концептуально методологическую установку исследований, учитывая внутренние факторы развития – эндогенного роста. Поэтому при анализе эффективности проведенных этнологических экспертиз в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера необходимо учитывать особенности конкретной территории и населяющего ее сообщества, которые имеют локальное, местное значение.

Представление о гетерогенности социальной системы сделало возможным концептуальное обоснование идеи о феномене северной экономики. Типичной особенностью северной экономики является приспособление к экстремальным и сложным условиям в форме специально организованного процесса нордификации. В условиях климатических особенностей Республики Саха (Якутия), где зима длится на протяжении 7-9 месяцев, возникает уникальная ситуация многофакторной экстремальности Севера.

ЗВИДЕННАЯ Оксана Олеговна
(независимый исследователь)

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ УДЭГЕЙЦЕВ: НОВАЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

На основе полевых материалов автора будет представлена ретроспектива изменений, происходящих в области традиционного природопользования среди удэгейцев — коренного народа Дальнего Востока — с начала 2000-х годов до настоящего времени. Какие сложности возникают и какие надежды возлагают люди на будущее?

После распада системы госпромхозов коренные жители вступили в период рыночных отношений. Это второй после коллективизации значимый этап, который привел к существенным преобразованиям в традиционном природопользовании, особенно в сфере управления и земельных отношений. Общины, созданные для ведения хозяйственной деятельности и сохранения традиционной культуры, стали неотъемлемой частью жизни аборигенов. Люди начали осваивать принципы самоуправления, впервые заявили о своих правах на землю для занятий традиционными промыслами — охотой, рыболовством и сбором дикоросов — и вступили в правовые отношения с государством.

Процессы преобразования у каждой территориальной группы удэгейцев развивались по-своему. Наиболее активные изменения наблюдались среди бикинских удэгейцев. Именно они в 2017 г. вошли в так называемый третий этап преобразований, который начался с создания особо охраняемой природной территории на 90% земель, исторически относящихся к родовым территориям и имеющих закрепленный правовой статус ТТП регионального значения. Одна из крупнейших удэгейских общин утратила свой влиятельный статус после потери прав на ведение охоты и рыболовства на территориях традиционного природопользования.

Несмотря на эти значительные изменения, люди продолжали заниматься своим основным традиционным промыслом — охотой, которая кормила большую часть населения. Рыболовство и сбор дикоросов также оставались важными, хотя и второстепенными, видами деятельности. После 2000-х годов среди семей охотников появился сезонный заработок от промыслового туризма.

Новые правовые статусы земель, имущественные отношения и организационные изменения также сказались на традиционной профессиональной преемственности в среде аборигенов. Как именно это произошло? Что было утрачено, а что сохранено? Ответы на эти вопросы также будут представлены в докладе.

БУЛГАКОВА Татьяна Диомидовна

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ПОЛИФОНИЧНОСТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

В прошлом в полевом исследовании традиционных культур коренных народов Севера, относительно изолированных в языковом и культурном отношении, информация по одному какому-либо вопросу, зафиксированная от нескольких информантов, могла считаться репрезентативной и распространяющейся на весь исследуемый социум, и только сообщения о шаманской практике требовали более сложной исследовательской интерпретации. Всегда необходимо было учитывать наличие, с одной стороны, тайных, сокрытые от непосвященных сведений и (emic) а, с другой стороны, существование декларативного поверхностного дискурса, используемого обычно при об-

щении шаманов и лиц непосвященных (etic), то есть, принимать во внимание «двойственность» полевого материала, определяемую степенью вовлечения в шаманские практики каждого отдельного информанта.

В настоящее время при активизации межкультурного взаимодействия (воздействие средств массовой информации, религиозный прозелитизм, деятельность культурно-развлекательных организаций) дифференциация участников религиозного дискурса еще более усложнилась. Двойственность индигенного дискурса выражается в сочетании скрытости от внешнего наблюдателя определенных традиционных представлений, и одновременном освоении новых привнесенных нетрадиционных знаний, несущих на себе «эффект зеркального отражения». Например, для объяснения сущности своей практики современные шаманы используют новые принципы аргументации, соответствующие, по их мнению, ожиданиям различных групп сторонних наблюдателей. При этом вслед за Я.А. Елинской можно утверждать, что неошаманизм – это этическая (etic) схема шаманизма в том виде, в каком он может быть понят и реализован современным человеком», что он «является практической реализацией некоей схемы, теоретической модели шаманизма, рожденной в современном / западном / научном сознании», то есть привнесенной в культуру извне и сохраняющей (а порой и преобразующей) скрытый от посторонних «голос» унаследованного сакрального дискурса практикующих шаманов. В силу множественности внешних воздействий в современной религиозной жизни коренных народов Севера формируются все новые дополнительные двойственные дискурсы, предназначенные для интерпретации информантами (например, шаманистами) как своей деятельности, так и православия, пятидесятничества и иных религиозных практик. Все это усиливает неоднозначность и полифоническую насыщенность этнографического поля, и для того, чтобы избежать риска искажений полевой информации, исследователю приходится учитывать возможную обусловленность высказываемой информантами информации их социальным статусом и религиозной ориентацией.

ЧЕПИГО Арина Станиславовна

Центр социальных исследований Севера при Европейском университете в Санкт-Петербурге

КРИТИКА И ДИАЛОГ: РАБОТЫ ХАНТЫЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦ В НАСЛЕДИИ ЭТНОГРАФИИ СЕВЕРА

Начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг. в поле изучения коренных народов становится заметна native (indigenous) anthropology, и появление большого числа работ, написанных представителями коренных народов. В особенности становится заметным преобладание женщин в интеллигенции коренных народов Севера (Бурькин 2002: 201). В центре данного доклада – работы писательниц и учёных из числа народа ханты: Т.В. Волдиной, Н.М. Талигиной, Т.Р. Пятниковой, М.А. Лапиной, Л.В. Кашлатовой, А.С. Сопочиной (Песиковой), Т.А. Молдановой.

В трудах хантыйских исследовательниц выражена обеспокоенность за исчезающий традиционный образ жизни, некоторые работы можно воспринимать как оставленные потомкам пособия, функцией которых является фиксация уходящих традиций и даже инструкция по их возрождению. Еще одной особенностью данной литературы является диалог, который ведут на страницах своих работ исследовательницы, отвечая конкретным оппонентам на распространённые стереотипы о своей культуре. Эта критика взглядов, согласно которым хантыйская женщина занимает угнетённое положение в обществе. В этих работах традиция избегания и предписания, связанные с нечистотой, оказываются не отражением низкого положения женщины в обществе, а следствием боль-

шой ритуальной ответственности, которую несёт на себе женщина перед семьей и обществом (например, Лапина 1998: 48).

Хантыйские исследовательницы описывали хорошо известные им традиции и практики. Однако в этих работах присутствует и недосказанность. С одной стороны, это может быть «слепым пятном», которое «инсайдер» просто не замечает. С другой стороны, информация может быть скрыта, потому что для «инсайдера» её передача несёт ритуальную опасность.

Несмотря на вышеупомянутую критику, хантыйские исследовательницы все равно работают с богатым этнографическим наследием и текстами «аутсайдеров» (К.Ф. Карьялайнена, В. М. Кулемзина, З.П. Соколовой и другими), чтобы восполнить собственные лакуны в знаниях и вписать свои работы в широкий научный контекст. Используя нужные им данные, они упоминают, что эта информация подавалась в контексте ценностей и идеологии своего времени (например, Молданова 2001: 40). Еще одним видом работ, где встречается «инсайдер» и «аутсайдер» являются коллективные исследования, где информанты выступают как полноценные соавторы. Таким примером является совместная статья лингвиста, антрополога, режиссера и сказителей из числа коренных народов об историях восточных хантов и лесных ненцев о нечеловеческих акторах и безлюдных местах (Dudeck S. et al 2021).

БЕЛОДЕДОВА Маргарита Геннадьевна

Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва

НЕНЕЦКИЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ: ОДИН ИНДИГЕННЫЙ ЖАНР В СОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ

В попытке исследовать колыбельные песни в ненецкой традиции я столкнулась с детскими песнями *нюкубц*, которые индигенными собирателями ненецкого фольклора часто отождествлялись с колыбельными. В их работах оба названия жанра взаимозаменяемы и используются как полные синонимы. Однако насколько сопоставимы эти жанры и в связи с чем произошло такое сопоставление?

Занявшись *нюкубц*, я была уверена, что в дополнение к опубликованным в песенных сборниках и книгах песням я смогу записать еще большое количество песен во время полевой работы. Песни *нюкубц* относят к жанру личных песен, потому мне казалось, что это будет несложно, ведь «сколько в тундре детей, столько и песен». Так, в поле я ехала с полной уверенностью, что мне удастся записать множество детских песен *нюкубц*, однако до сих пор мне удалось записать лишь несколько фрагментов и частичный пересказ песни на русском языке. Первые мои собеседники отказывались озвучить мне свои песни, ссылаясь на то, что они их не помнят, затем я слышала отказы, связанные с тем, что песня некрасивая, или наоборот, очень красивая, но слишком личная или тайная, песня, которую петь никому. Однако, одновременно песни *нюкубц* часто исполняют со сцены в присутствии множества зрителей. Углубившись в выяснение основ этого противоречия, я обнаружила, что внутри традиции образовался отдельный «поджанр», стилизация песен *нюкубц*, созданных специально для сценического исполнения.

Доклад будет посвящен сопоставлению песен *нюкубц* и колыбельных песен, который связан с вписыванием ненецкой традиции в «общесоветский» контекст, немалую роль в котором сыграли супруги Няруй. Кроме того, будут рассмотрены контексты исполнения «настоящих» и «ненастоящих» песен *нюкубц* и восприятие и тех и других внутри сообщества.

ЯЧМЕНЁВ Олег Юрьевич

Сибирский федеральный университет, Красноярск

ЖИВОТНЫЕ ОБРАЗЫ В ШАМАНСКОМ КУЛЬТЕ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОНОВ

Эвенки-орочоны являются одним из древнейших народов, населяющих Восточное Забайкалье и Приамурья. Их культура восходит корнями в эпоху бронзового века. В основе своей, ритуальный мир эвенков-орочонов подчинен природе. Любое действие, будь то охота или брак, сопровождается различными ритуалами, основным действующим лицом которых считался шаман. Они испрашивали у духов природы благословение, чтобы удача не обошла их стороной. Как правило, духи имели тесную связь с природой. Иначе говоря, они воплощали природу, приобретая облик животных. Главным животным, которому особо поклонялись, и которого особенно чтили эвенки-орочоны, был олень. Образ оленя нередко встречается на шаманских бубнах, костюмах, украшениях, и, особенно, наскальных рисунках.

КУЧИНСКИЙ Максим Геннадьевич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

СПЛОШНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сплошная генеалогия – метод этнографического исследования, который предполагает изучение и реконструкцию родственных и социальных связей между людьми локальной популяции на протяжении нескольких поколений. Метод предполагает исследование устной истории и архивных материалов большой группы людей. Технологически это близко методу сплошного опроса и предполагает формализацию материала. Концептуально этот метод является одной из разновидностей социальных исследований, основанных на персональных данных, т.е. предполагает создание базы данных и сближается с big data анализом, в котором используются micro data. Цифровые технологии облегчают задачи формализации, хранения и обработки данных. В докладе будут представлены этапы и перспективы технологического развития ПО сплошной генеалогии. На основе опыта работы с массивами персональных данных, будут показаны примеры задач, которые могут ставиться перед ПО. В докладе будет рассмотрен вопрос о месте исследователя в условиях расширяющегося значения ИИ.

ПОЛЯКОВ Юрий Васильевич

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО – «ПОЛЕ» СОВРЕМЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СЕВЕРОВЕДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Этнологическое осмысление идентичности северных народов тесно переплетается с изменяющимся обликом эпохи. В связи с этим набирает популярность методология киберэтнологии – исследование интернет-пространства (т.н. кибермира) как критерия формирования этничности, а также сохранения этнографического наследия.

Виртуальная этничность как концепт и как практическое выражение влияния цифровизации на современный этап этногенеза широко исследован группой учёных из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – А.В. Головнёвым, С.Ю. Белоруссовой и Т.С. Киссер. Однако упомянутое исследование (нашедшее выражение в, без сомнения, фундаментальной монографии «Виртуальная этничность и киберэтнография») раскрывает деятельность в киберпространстве лишь некоторых малочисленных этносов (нагайбаков, кряшен, российских немцев). При этом интернет-пространство остаётся неизученным на предмет влияния на формирование этнического самосознания среди представителей ключевого народа западного Приуралья – коми (зырян), являющегося, к тому же, коренным народом Севера.

В попытках изучения вышеупомянутого предмета неизбежно возникает вопрос: действительно ли региональные этнические сообщества северных народов подверглись цифровизации на достаточном уровне, чтобы выводы, полученные при исследовании этих народов новейшей методологией киберэтнографии, считались валидными?

БОГДАНОВ Ейко Игоревич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

О ЧЕМ ПИШУТ НЕНЦЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Последние годы интернет-пространство стало полноценной жизненной средой, достигло состояния живой вселенной, социальные сети трансформировались из площадки общения друзей в глобальные медиа, где практически каждый может стать знаменитостью – одномоментной или долгоиграющей и даже коммерчески успешной. Мир захлестнуло цунами блогинга, в котором свое место занял и этноблогинг, который введен в научный дискурс и является предметом изучения учеными всего мира. Сегодня этноблогером технически может стать каждый ненец, у каждого есть смартфон и, если не постоянный доступ в интернет, то периодический точно есть.

Анализ эмпирических данных, полученных за годы работы в СМИ, приводит к выводу, что этноблогинг оказывает существенное влияние на этнокультурную ситуацию в целом. Многие блогеры, опробовав свои идеи в соцсетях, реализовывают этнокультурные проекты, вызывающие интерес широкой аудитории, СМИ и исследователей. В докладе на примере деятельности писателя-блогера Макра Окоэтто будут также рассмотрены особенности перехода устного фольклора ненцев в киберпространство.

ДОРОНИН Дмитрий Юрьевич

Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

СЕВЕРНАЯ ИНСЕКТОПЕДИЯ: СТРЕКОЗЫ, ЖУКИ, ЧЕРВИ, БАБОЧКИ И ДРУГИЕ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ И МИФОЛОГИИ НАРОДОВ ТУРУХАНСКОГО КРАЯ

Вслед за Хью Раффлзом мы обращаемся к теме антропологического значения насекомых (и, шире, беспозвоночных животных) – тому, как они влияют на эмоции, повседневные, ритуальные практики, фольклорные и мифологические сюжеты в человеческих культурах. Однако делаем мы

это на материале наших современных (2020–2024 гг.) исследований среди коренных народов Туруханского района Красноярского края.

Средний и северный Енисей был важной частью этнографического поля Бориса Осиповича Долгих, чрезвычайно значимой для его профессионального пути и для развития научной традиции московской школы североведения. Поэтому мы не только рассмотрим собранные нами среди ненцев, нганансан, долган, эвенков и кетов нарративы (в основном мифологические рассказы и мемораты из повседневной сферы) о беспозвоночных животных, но и сопоставим их с сюжетами на эту тему из этнографических трудов наших предшественников.

Нас будут интересовать, в частности, ответы и на такие вопросы: какие из сюжетов о насекомых фиксировались в этом районе этнографами-североведами советского времени, какие из этих сюжетов можно назвать доминирующими тогда и в наше время, и почему это так? Какие социальные трансформации 1960–1990-х гг., остающиеся еще на памяти наших респондентов, могли определять знание о беспозвоночных животных у тундровиков / таёжников или сельских / городских жителей? Как отличается такое знание у разных этнических групп? В чём заключается гендерная, возрастная, профессиональная специфика этого знания и связанных с ним практик?

Знание о насекомых, как наиболее малых из заметных человеческим глазом существ, оказывается наиболее развитым среди малого и в человеческом сообществе – среди детей. От детских практик и представлений (детский фольклор и фольклор детства) это знание наследуется взрослым человеком, часто теряя свою актуальность в том разнообразии, какое было у ребёнка. Часть такого знания развивается, специализируясь в шаманской традиции, практике оленеводов, охотников, рыболовов.

Существует ли какой-то практический аспект научного изучения знаний и практик, связанных с членистоногими у КМНС? И если это только часть фундаментального научного интереса к фольклору и мифологии, то каково место этого интереса в прикладных исследованиях советского североведения?